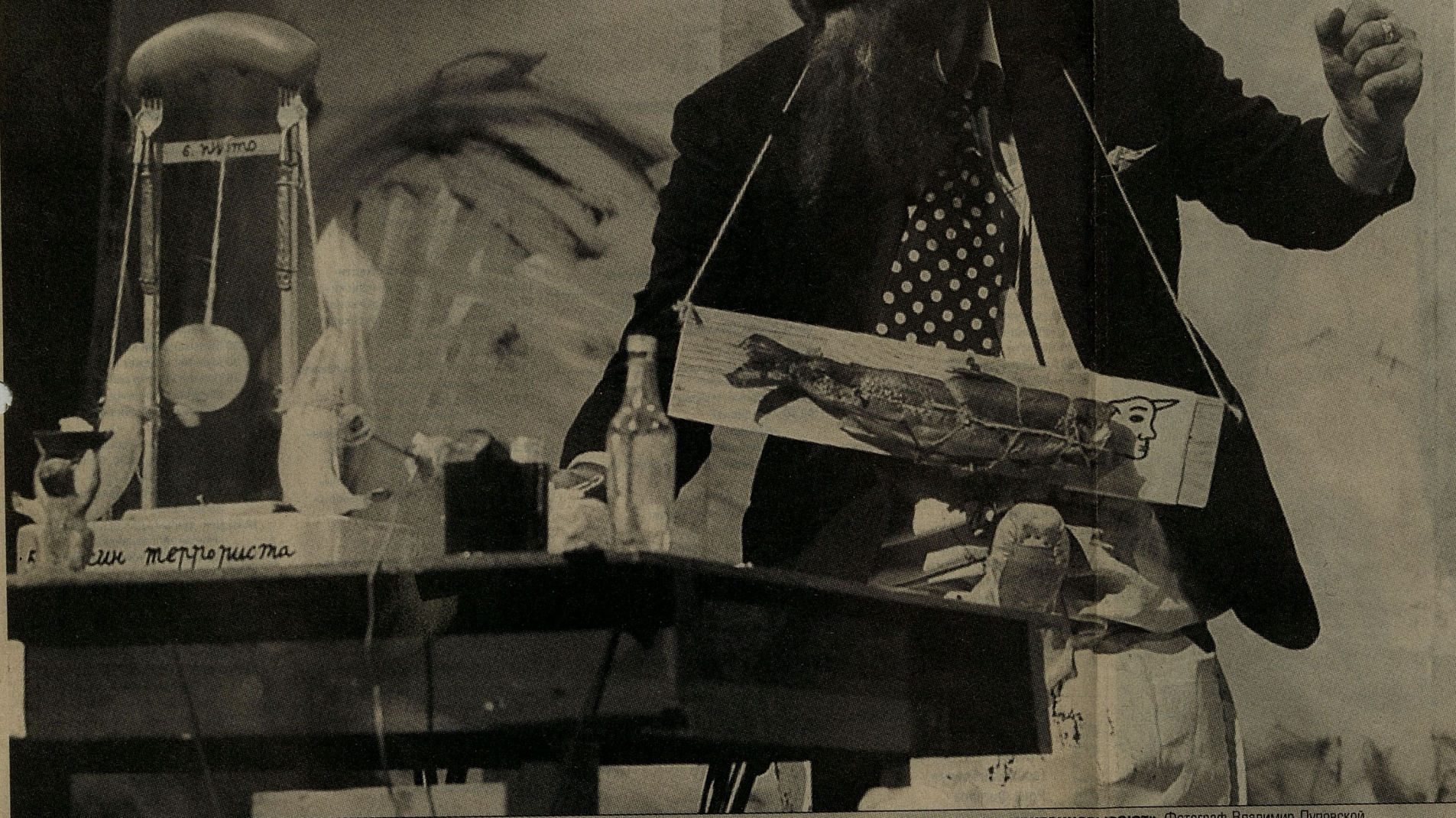

“на сцене мы часто наносим травмы друг другу”

Максим Исаев — Газете

Максим Исаев: «Вот изобретаешь велосипед, выезжаешь на нем, а оказывается, что все на нем ездят, да еще и пританцовывают» Фотограф Владимир Луповской

Максим, как проходила работа над спектаклем «PLUG&PLAY»?

У нас была уверенность, что занятия живописью могут быть нормальным театральным действием — когда выходят два мужика и начинают что-то малевать. Вроде бы получилось, и мы этот спектакль прокатывали по клубам.

Вы ассоциируете себя с каким-нибудь театром из прошлого, понимаете, где ваши театральные корни?

Для этого нужно театральное образование, мы же вошли в театр совершенно из другой двери. Поэтому все наши ассоциации связаны с изобразительным искусством. Мы доносим до зрителя свои эмоции не путем переживания — когда актер морщит лоб, изображает, что он плачет. Мы достигаем этого движением больших форм, масс, изменением света, сценографии.

Вы знаете, что со зрителем должно произойти во время ваших спектаклей, что он должен понять и почувствовать?

Часть нашего концепта такова: в наших спектаклях нет мессиджа, послания. Мы создаем некую упаковку, ничего в нее не вкладывая. И зритель сам договаривает все подлежащее и сказуемое, сам складывает фразу. И он всегда прав. История, которую зритель в наших спектаклях видит, всегда опирается на его культурный и жизненный опыт. С одной стороны, кажется, что это очень удобная позиция, с другой — такой подход требует большой тщательности. Ведь любая небрежность может превратить спектакль в набор бессмысленных картинок.

То есть каждый образ, возникающий в ваших спектаклях, необходим. Например, вместо сосиски не может возникнуть апельсин, вместо лампочки нельзя использовать пепельницу. Конечно, все это выстроено, и каждый образ незаменим.

И после этого вы говорите, что у вас нет мессиджа?

Для нас он, бесспорно, есть, но для публики он иной и свой для каждого зрителя.

Ваши спектакли были бы очень похожи друг на друга, если бы вы не хотели зрителю что-то сообщить, рассказать, и каждый раз — новое.

Мы стараемся сделать наши спектакли непохожими друг на друга. Конечно, есть наш язык, и поэтому мы узнаваемы. Но наши спектакли принципиально разные. Вот в Швейцарии мы сделали спектакль «Мистер Кармен» — там нет декораций, нет кулис.

Ваши театральные установки связаны с тем, что происходит в современной живописи?

Конечно. Мы же мыслим не текстами, а картинками.

Европейский зритель более подготовлен к тому, что вы делаете?

Вот изобретаешь, изобретаешь велосипед, выезжаешь на нем, а оказывается, что все на нем ездят, да еще и пританцовывают. Например, во Франции очень много театров, которые делают примерно то же, что и мы.

Перформанс питерского Русского инженерного театра «АХЕ» «PLUG&PLAY» закрыл международный театральный фестиваль NET. На сцене все взрывалось, булькало, кипело и шипело, два бородача рисовали картины и готовили пищу, а в финале публику, как животных в зверинце, кормили с шестов кусочками сала. Восторгом угощаемых предела не было. С одним из создателей театра «АХЕ» Максимом Исаевым встретился корреспондент Газеты Артур Соломонов.

В Питере заламывают какие-то невероятные деньги за аренду помещения, и на этом разговор заканчивается. Ведь мы живем только с наших выступлений. Но сейчас, может быть, какое-то помещение появится в Петропавловской крепости.

В Ницце, где ваш театр был совсем недавно на Фестивале русского искусства и кинематографа со спектаклем «PLUG&PLAY», вы чувствовали, что французская публика пришла с определенными ожиданиями, которые вы не оправдали?

Мы их ожидания не оправдали на сто процентов! У французов с русским искусством ассоциируется Чехов и дальше по списку, который заканчивается, дай Бог, Тарковским. Публика там богатая, буржуазная и искусства хочет классического, а вдруг такое хулиганство...

Вы как-то говорили, что в традиционном театре актер изображает, что у него дрожат руки, и вам это смешно. А вот в вашем театре актер поддержит гири, и руки у него сами задрожат. А это, по-моему, не менее смешно.

Мы считаем, что тело гораздо умнее, чем голова, и в него впечатаны некие эмоции. При чем впечатаны в голову зрителя. У нас идея — не играть. Если тяжело — то тяжело, если больно — то больно. И тело само реагирует, и ты подстраиваешься под это.

Но вы же не делаете друг другу больно на спектаклях?

Делаем. Но обычно сам себе делаешь больно, потому что знаешь свой болевой порог. Но сейчас, с возрастом, от таких экстремальных вещей приходится отказываться. А раньше делали всякие вещи, которые приводили к травмам. Потому что это сильный образ. Но сейчас мы так уже не делаем: здоровье не позволяет.

Довели себя? Театром? Да.

Вы принципиально не читаете текстов, скажем, Станиславского, Мейерхольда, Арто?

Не принципиально. В моей домашней библиотеке этих книг нет. Это не уклонение от знания, просто так получается. Я даже представить себе не могу, как я читаю книжку Станиславского. И что я там прочту?

Например, про эмоциональную память, заложенную в теле, — то, о чем вы только что сказали.

Вот почему на нас бывает иногда интересно смотреть? Потому что мы наивны и думаем, что что-то изобрели. А мир, может быть, давно уже это усовершенствовал. Но мы-то думаем, что мы первооткрыватели, и делаем это искренне!

Что у вас был за театальный опыт с библиейскими текстами?

Мы взяли текст Екклесиаста — «время собирать камни, время разбрасывать». Мы восприняли это как сценарий, и один человек разбрасывал камни, другой собирал. Потом мы сделали кино по книге Давида — там есть глава, где описывается, как один мужчина ослеп, потом зрение к нему чудесным образом вернулось. В титрах было написано: «Автор сценария — Бог».

(Появляется другой «ахеец», Павел Семченко, и последний вопрос адресуется ему.)

Бывали ли такие ситуации, когда зрители врываются в спектакль, меняли его течение? И какой зритель самый бойкий?

Я бы не стал делить публику по национальному признаку. Скорее по возрастному. Городская публика гораздо бойчее, чем пейзажная, и молодая урбан-публика гораздо живее, чем пожилые крестьяне. Вот публика на закрытии NET была очень хорошая, и, по сведениям нашего продюсера, ушли всего три человека.

Почему?

режиссер и никто больше

В Москве закончился международный театральный фестиваль NET — новый европейский театр. Его создали в 1998 году театральные критики Роман Должанский и Марина Давыдова. Традиционно NET начинается 9 ноября, в день падения Берлинской стены: тогда Восточная и Западная Европа потеряли границы. Молодые режиссеры восточноевропейских стран бросились завоевывать Запад, и Москва знала о них лишь по слухам. Организаторы решили исправить положение, но со временем фестиваль перестал ориентироваться только на режиссеров Восточной Европы. В прошлом году название фестиваля организаторы стали расшифровывать по-иному: net — сеть. Что казалось организаторам фестивалю молодым, талантливым и европейским — то они и захватывали в свою сеть. С 2001 года соучредителем фестиваля стал Центр имени Мейерхольда. Закончившийся фестиваль проходил при поддержке компаний «Ив Делорм», «Инвесткапстрой» и продюсерского агентства Bokovfactory. В этом году в «сеть» попали: скандально известный драматург из Англии Марк Равенхилл (в общении оказавшийся тихим и кротким, будто и не он написал «Shopping and Fucking»); один из лучших европейских режиссеров, руководитель берлинского Schaubuhne Томас Остермайер; любитель европейских театральных форумов Гжегож Яжина и латвиец Алвис Херманис со своим «Ревизором». Одно в концепции NET осталось неизменным: создатели фестиваля хотя бы доказать, что режиссер, на власть которого посягают драматурги, то актеры, то все сразу, — главная фигура в театре.

мычать и петь

Театр «АХЕ» в «европиях» гораздо известнее, чем у нас. Художники Максим Исаев и Павел Семченко колятся по миру, делают свои вызывающе бесполезные, оглушительно бессмысленные и очень смешные представления. Получают призы (приз критиков за лучший спектакль «Белая Кабина» на фестивале «Унидрам» (Германия) в 1997 году, приз жюри на фестивале «Арена» (Германия) за спектакль «Белая Кабина» в 2000 году, приз жюри и публики за спектакль «Sine Loco» на фестивале «Арена» в 2001 году, премия «Новация» на фестивале «Золотая маска» за спектакль «Sine Loco» в Петербурге в 2003 году и другие); участвуют в фестивалях (Эдинбург, Брюссель, Хельсинки, Берлин, Москва, Мехико, Зальцбург, Тегеран, Буэнос-Айрес). Их спектакли в переводе не нуждаются: слово совсем ничего не значит, гораздо важнее — мычание, шипение, музыка и движение. История такова: в 1989 году художники Максим Исаев, Павел Семченко и Вадим Васильев создали группу под названием «АХЕ». Ее участники, продолжая заниматься живописью, снимали кино, участвовали в вернисажах и делали во дворах, галереях, на лестницах и в мастерских акции-перформансы. В середине 90-х годов коллектив покидает Вадим Васильев. Этапные спектакли «АХЕ»: «Каталог Героя» (1995), «АХЕ-Платформа» (1997), «Белая Кабина» (1996), «Пух и Прах» (1999), «Зеленый Гусь» (2000), «Sine Loco» (2001).